

Мурзилка

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

Стихи
Юры Оджагова
12 лет

Рисунок
А. Изаксон

НА ПАРАДЕ

Я сегодня очень рад!
Папа ехал на парад,
Я спросил: «А мне нельзя?»
Он подумал, да и взял.

Плыли в небе самолеты,
Смелые на них пилоты.
Грозно танки грохотали.
И глядел с портретов Сталин.

А потом скакали пушки.
Пушки — это не игрушки!
«Ну-ка, прочь беги, буржуй!
В грудь снарядом угожу!»

А потом, за ротой рота,
Шаг чеканила пехота,
А за нею конница —
Ветер не угонится!

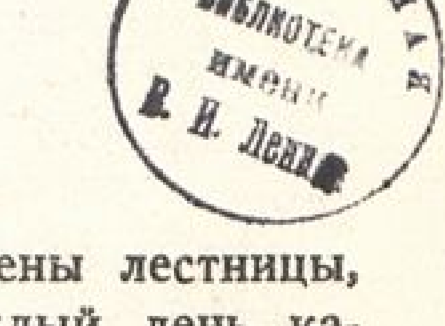
Я сказал, смотря на это,
Папу обнимая:
— Вот у нас, в Стране Советов,
Армия какая!

На обложке:
КРЕЙСЕР „АВРОРА".
Рисунок Е. Афанасьевой.

Рассказ Л. Веприцкой *Рисунки М. Михаэлис*

ПЕДРО

Педро — маленький испанский мальчик. Он живет в Москве, в большом доме, на тихой улице. Улица тихая, а дом шумный, потому что в нем живет много детей. Дети приехали из Испании.

Дом стоит в большом саду. В саду — тенистые деревья, дорожки посыпаны желтым песком, на клумбах растут цветы. Цветы красивые, почти как в Испании. Но на деревьях не растут апельсины. Педро сначала очень удивлялся: «Как странно: ни одного апельсина!..» Но потом привык.

Возле забора, где кончается сад, нет дорожек; здесь растут кусты сирени. В них удобно играть в войну.

Педро нравится жить в Москве, в большом доме. На другой день после приезда воспитательница Люция спросила его:

— Педро, тебе здесь нравится?

И Педро ответил не задумываясь:

— Нравится. Здесь не стреляют...

Потом Педро осмотрелся, и ему понравилось еще много вещей. Рядом со спальней — ванная. Залезешь в ванну, повернешь кран, и на тебя потечет теплый дождик. Очень хорошо!.. А за обедом каждый день дают сладкое.

На площадке возле дома устроены лестницы, и трапеции, и качели. Педро каждый день качается. Он выучился так высоко раскачиваться, что Люция кричит:

— Педро, не смей так высоко!.. Педро, я боюсь, не надо!..

Педро смеется и взлетает еще разок — повыше. Ему кажется, что он летчик, — он летит на самолете, как отец. А Люция подскакивает и останавливает качели:

— Вот я тебе задам, непослушный!

Но Люция добрая и не умеет долго сердиться.

А сколько игрушек подарили детям! Хозе сказал Педро по секрету, что скоро привезут настоящие двухколесные велосипеды. Много велосипедов — может быть, десять, а может быть, еще больше. Хозе подслушал, как воспитательницы говорили про велосипеды, и сказал Педро.

Но это большой секрет — и никому не надо болтать. Об этом знают только Педро и Хозе.

Потом Педро и Хозе поссорились. И вот из-за чего. Сегодня к испанским ребятам приедет в гости советский командир и расскажет новости про войну в Испании.

Хозе говорит:

— Не надо, чтобы маленькие слушали новости. Это военная тайна, а маленькие могут разболтать...

Педро сразу краснеет:

— Кто это маленькие?

— Ты, например, — отвечает Хозе, задрав нос.

— А про велосипеды кто разболтал?! — кричит Педро.

— Молчи! — и Хозе замахивается кулаком.

Педро дает сдачи, и они дерутся, как два петуха. Но большая Анита, длинная, худая девочка, вмешивается — шлепает обоих как следует и говорит:

— Глупые вы! Своих не бьют, бьют фашистов...

Конечно, Педро слушает рассказ советского командира вместе со всеми ребятами. Командир очень хорошо рассказывает и все знает.

Когда Анита спрашивает, не взяли ли фашисты ее деревню, командир отвечает:

— Нет, что ты, милая!..

Он вешает на стену большую карту и показывает, где стоят наши, а где враги. Наши защищают деревню Аниты, они ее ни за что не отдадут.

После обеда ребята гуляют в саду.

— Будем играть в войну!

Но, как всегда, никто не хочет быть фашистом, и приходится считаться. Сегодня считает Педро своей самой любимой считалкой, и сразу выходит Хозе.

Хозе ни за что не хочет. Он кричит, что Педро сплутовал. Но ребята его заставляют: ведь не с кем драться, если все республиканцы... Ребята снимают «испанку» с головы Хозе — теперь ему не отвертеться.

Педро — республиканец. Он долго ищет Хозе. Хозе струсил и спрятался в кусты, как настоящий фашист. Педро нападает на него врасплох:

— На́ тебе, получай! Убирайся из нашей Испании!

Хозе ревет и убегает, хотя он и старше Педро на два года. Наши здорово колотят врагов. Вдруг появляется Люция; она не позволяет играть в войну. Она уводит ребят на крокетную площадку. А Педро спрятался за толстым деревом — ему не хочется играть в крокет.

Все ушли. Педро влезает на забор. Рядом тоже большой сад, далеко в зелени спрятался длинный дом. Педро знает, что в доме — больница. На скамейке в саду сидят больные в длинных теплых халатах и греются на солнце.

Педро видит дом и больных на скамейках. Ему кажется, что он опять в Испании и это мамина больница, где она ухаживает за ранеными бойцами.

Вот раненые греются на солнышке, они уже поправляются, потому что мама хорошо ухаживает за ними и днем и ночью. Раненые говорят о том, как они снова уйдут на фронт драться и выгонят навсегда фашистов из нашей Испании. И всем детям будет так же хорошо житься, как в Советской стране. Сейчас из дома выйдет мама, увидит Педро и позовет его...

В самом деле, из дома выходит женщина в белом халате. Она стоит на крыльце и смотрит вдаль, заслонившись рукой от солнца. Она видит Педро на заборе и машет ему рукой.

Педро спрыгивает с забора в свой сад. Он бежит к кустам, забирается в самую чащу и тихо сидит, зажмурив глаза. Он шепчет:

— Моя мамочка!..

Педро знает, что мама не придет. Фашистский самолет сбросил бомбы на больницу, где мама ухаживала за ранеными бойцами. Фашисты убили маму.

Педро долго сидит, закрыв глаза. Он слышит, как Люция ходит по саду и зовет его:

— Педро! Педро!.. Где же ты, Педро?..

Педро слышит, как голос Люции то приближается, то снова уходит куда-то далеко. Ему смешно, что Люция не может его найти. Но вот она кричит совсем близко, возле куста:

— Педро, гадкий мальчик, где же ты?

Педро с криком выскакивает, так что Люция пугается.

— Ну, довольно шалостей. Бежим, Педро, кто скорей!

Они бегут в дом. В коридоре Люция приглаживает волосы Педро, стряхивает с его курточки сухие листья и сердится, когда Педро вытирает нос рукавом:

— Ах, Педро, где же твой носовой платок?

Потом она смотрит на Педро и хитро улыбается:

— Слушай, Педро, тебя ждет большой подарок.

— Велосипед? — догадывается Педро. — Ребята видели? — быстро спрашивает он.

— Нет, Педро, никто не видел. Ты — первый.

Педро краснеет:

— Камарадо Люция, вы не знаете: а я с Хозе дрался...

— Вот как! — говорит Люция и почему-то опять улыбается. — Сегодня я тебя прощаю, Педро, потому что...

Люция открывает дверь в зал и пропускает вперед Педро.

Зал пуст. Но вот с кресла поднимается высокая фигура.

У Педро замирает сердце. Он несется по залу и виснет на шее у высокого человека, молча протягивающего к нему руки.

— Папа, папа!.. Висенте!.. Это ты, Висенте?.. Я знал, что ты прилетишь... Ты ранен?

На голове у отца черная повязка.

— Ничего, мальчик, теперь все уже прошло. Советские врачи сделали мне операцию, и я совсем здоров.

Они садятся вдвоем в одно кресло. Педро прижимается к отцу, и так они сидят молча. Им очень хорошо вдвоем. Потом они идут, держась за руки, в столовую; отец садится рядом с Педро за стол, как будто он — новенький. И он пьет чай из такой же кружки, как у Педро, и ест такую же булочку с вареньем.

А как завидуют Педро все ребята! Только и слышно кругом:

— Счастливый Педро!

— Вы знаете, к Педро приехал отец из Испании! Его отец — летчик Висенте. Ну, правда же,— вот он сидит за столом...

После чая ребята тащат летчика в зал. Его сажают на самое лучшее место — под портретом товарища Сталина. А ребята толкаются и спорят — каждый хочет сидеть поближе к летчику. Педро ни с кем не спорит; он и так сидит с отцом в одном кресле и крепко держит его за руку.

— Камарадо Висенте, расскажите скорей, как вы дрались с фашистами. Расскажите!..

Летчик рассказывает про воздушный бой: как прилетели враги, чтобы сбросить бомбы над городом, а республиканские летчики напали на них, и фашистские самолеты удирали что есть силы. А Висенте сбил два самолета; они загорелись и упали на землю. Однако ему самому пуля попала в голову, а несколько пуль — в машину. Но он не захотел выброситься на парашюте — он спасал машину и посадил ее на аэродром, хотя кровь текла ему в глаза.

Потом он был очень болен от своей раны, она никак не заживала, и его привезли в Москву. Самые лучшие советские доктора сделали ему операцию.

— Теперь все в порядке, — говорит летчик и гладит по голове Хозе, который тоже сидит с ним рядом.

— Советский летчик Чкалов, когда ему трудно, тоже говорит: «Все в порядке», — замечает Хозе.

— Правильно, мальчик, — отвечает летчик Висенте, — этому мы учимся у советских людей.

Ребята хлопают в ладоши.

— Счастливый Педро, какой у него отец!..

(Окончание в следующем номере.)

Стихи
П. Тихомирова

Рисунок
В. Житенева

НАША КОННИЦА

Понеслись галопом кони,
Буйный ветер не догонит.
И от топота копыт
Мать сыра земля дрожит!
Мчится конница лихая,
Не простая — боевая!
Над конями вьется флаг,
Флаг цветет, как алый мак.
Лихо конники летят,
Сабли в воздухе блестят.
Нет у конников печали —
Их послал товарищ Сталин
Не гулять, а на войну,
Защищать свою страну.

Рассказ Шалва Сослани *Рисунки В. Веретенникова*

МОИ ДРУЗЬЯ

В горной деревне, где я жил в детстве, у меня было много пернатых друзей: две трясогузки, три синицы и одна горихвостка. Все они жили в лесу, под горой, и никто их не знал, кроме меня.

Однажды я встал рано-рано. Отыскал свой лук и стрелы и, перекинув их через плечо, побежал проселками в лес.

Над горой медленно поднимались белые, пронизанные светом облака.

Из лесу слышался веселый, неумолчный говор птиц. И чем выше поднималось над горой солнце, тем все громче и веселее разливались их песни.

Вдруг высоко в небе пронеслась тень Ястреба. Хищник, наверное, наметил себе жертву и летел прямо к лесу, где жили мои друзья.

— Хау-хоо, хищник! Хай-хо! Хау! — закричал я изо всей силы Ястребу, по примеру старших, которые этим способом отгоняли пернатых хищников, воровавших со двора цыплят.

Но Ястреб не слышал меня.

«Ой, вы, мои крылатые друзья! Кого-то из вас хочет унести Ястреб-беда?» с горестью подумал я и помчался через пашни к лесу.

Я спотыкался об острые, скошенные стебли кукурузы.

Один мой лапоть остался где-то на меже. С головы слетела широкополая соломенная шляпа.

Я поднялся по скату к горе. Дальше — обрыв и берег Губы-реки.

Скинув платье, я быстро переплыл через неглубокую, но холодную речку, держа в руке лук и стрелы.

Над лесом молнией пронесся Ястреб.

В реке мелькнула его тень, и в ту же минуту я услышал отчаянный писк.

Я вылез на берег и, приложив руки рупором ко рту, окликнул моих лесных друзей.

Тишина. Лишь где-то вдали раздавался быстрый взмах крыльев и слышен был

протяжный писк. Это был голос одного из моих похищенных друзей. Я сел в отчаянии на обрыв и уткнул голову в колени.

Кого же из них успел похитить сегодня Ястреб-беда?

Я осторожно, исподлобья поглядел вокруг себя: на воде все еще маячила когтистая тень Ястреба, и с неба, печально кружась, спускались окровавленные белые перья и пух.

— Чхик, чхик! — нарушил тишину дятел.

— Чирия-урь... Чизи-цюри... — ответил дятлу чей-то еще более осторожный голос, и вдруг из лесу по склону горы посыпались знакомые голоса.

— Здравствуйте, друзья! Кого уже нет сегодня среди вас? — обратился я к моим певчим друзьям, карабкаясь к ним по деревьям.

— Пий, пий! Ди-ди, виви-чью! Пчуйт-пчуйт! Тчик-тик! — услышал я отовсюду восклицания, приветствия, жалобы, ликования и сомнения моих друзей, как только я вскарабкался на дерево.

С соседней ветки перепорхнула и села прямо над моей головой знакомая пташка и, мелко задрожав коричневым хвостиком, торопливо провозгласила:

— Фьють-ри-рири! Фьють, тчик-тчик!

Так и есть! У этих горихвосток всего вторая неделя как вылупились малыши. Я видел их в самые первые дни рождения: голых, с красновато-прозрачной кожицей и длинными шейками. Птенцы широко раскрывали мягкие клювики и пищали.

Но они были очень доверчивы. Стоило к ним наклониться немного поближе, как они, точно по сигналу, вздергивали головки, и, широко раскрыв клювца, пищали, и тянулись к моему носу. Мне было смешно и весело, а самочка вертелась на соседних ветках и тревожно возглашала всему лесу: «Чьриу, чьриу! Кру-цикру!» — словно я был таким же врагом, как Ястреб-беда, которого они по-своему называли «Кру-цикру».

Сейчас самка-Горихвостка сидела на ветке и возмущенно жаловалась мне.

Глупые, доверчивые пташки! Видимо, они уже достаточно подросли. Забрались от радости на ветки повыше и вот сегодня утром стали жертвой кровожадного Ястреба.

— Ничего теперь не поделаешь, милая Горихвосточка! Не нужно было малым пташкам появляться на виду у злого «Кру-цикру».

Я голый облазил все кусты и деревья, заглянул почти ко всем моим знакомцам в гнезда.

На каштане я еще с весны приметил двух неразлучных друзей. Они сидели всегда вместе и трескотней оглашали лес. Сейчас осталась только самка. Завидев меня, она озабоченно повертела гибкой желто-красной шейкой по сторонам, перепорхнула на нижнюю ветку, затем снова поднялась наверх и, грациозно изогнув шейку, одним глазом заглянула ко мне сверху вниз через колючую листву каштана.

— Хийо, ри-ий, рюи-тюрлиит!.. — проговорила она нараспев свою жалобу и сердито склюнула с лапок какую-то соринку.

— Да! Верно, друг! Я сегодня запоздал... — с грустью ответил я.

— Хью, ки-лю! Килю-лю-ки-ки-лю-ры... Эхью... хью...

— Где мне знать! Я его не видел сегодня нигде.

— Хью, ки-хью... — захныкала она печально и, опустившись куда-то в глубь широких веток, замерла на полуслове.

С ветки орешника шмыгнула маленькая рыжеголовая трясогузка. Она быстро засеменила ножками и, качая хвостом, побежала по гнилому пню. Я осторожно свистнул ей. Она шикнула в ответ, немного повертелась и незаметно порхнула в щель.

— Клюй-клюй! Клюй-львию! — услышал я оттуда обрадованный крик ее птенцов и облегченно вздохнул.

Со всех сторон поднялся неумолчный говор. Пошли перебранки, сплетни и насмешливые возгласы птичек, и только единственный сиротливый голос выделялся среди них:

— Виу-чи! Виу-чи! Фи-чи-фю, молю-лю...

Это зяблик. Он любит забираться на сухую ветку орешника и, щуря глаза, бесконечно повторять про свое одиночество. Он уже давно лишился своей неразлучной подруги и не устает оплакивать ее каждый день...

На вершине горы — старый, разрушенный замок. Там я обычно сажусь на свой любимый, самый большой, гладкий камень и выдергиваю из ступней ног колючки и острые иглы хвои.

Но сейчас я решил перебраться на северный склон горы. Там гуще лес, больше тени и деревья растут прямые. Поэтому древесина у них твердая и с более прямыми волокнами. А это очень важно для моих целей.

У меня лук сделан из упругой ветки дуба. Он легок и придает стреле большую стремительность. Но стрелы у меня неважные: они из сосны, тополя, березы и одна даже из липы. И все они недолговечны, так как скоро гнутся и легко расщепляются при ударе.

Я собрал в лесу тугие и упругие ветви лесного ореха и клена. У клена волокна тонкие и крепко врастают друг в друга.

Кроме того, давно я задумал менять оперение стрел. Мне не нравятся перья орла, хотя они крепки и издают при полете резкий свист, как из дудки...

Только-только я устроился поудобнее на гладком, нагретом солнцем камне, чтобы готовить ветки для стрел, как услышал внизу из леса предупреждающий крик синицы:

— Пичь-пичь! Тцара! Пичь-пичь!

— Кру-цикру! Кру-цикру! — тревожно чирикнула Горихвостка, и лес мгновенно смолк.

Я оглядел небо. Над горой снова кружил Ястреб-беда.

Я соскочил с камня, укрылся быстро в его тени и стал выжидать с натянутым в руке луком, когда Ястреб опустится к лесу.

Он кружил над горой, все больше и больше суживая круги, и вдруг, сомкнув крылья, камнем бросился вниз.

Как только Ястреб поровнялся с верхушкой каштана, на котором оставались двое моих певчих друзей, я прищурился и мгновенно выпустил стрелу.

Ястреб вдруг раскрыл крылья и взметнулся вверх.

Вначале было я подумал, что промахнулся, но как только увидел свою стрелу, торчащую острым концом из-под крыла Ястреба, я с победным криком выскочил из-за засады.

Ястреб, нелепо кувыркаясь в воздухе, боком спускался к Губе-реке.

«Хоть бы речкой не унесло!» подумал я и опрометью бросился по склону к реке.

Когда я вылез на берег с Ястребом в руке, из лесу уже неслись ликующие голоса моих друзей: они громко приветствовали меня и, радостно возбужденные, поздравляли друг друга.

Стихи
Е. Долматовского

ПУГОВКА

Рисунки А. Брея

Коричневая пуговка
Валялась на дороге,
Никто не замечал ее
В коричневой пыли.
Но мимо по дороге
Прошли босые ноги,
Босые, загорелые
Протопали, прошли...

Ребята шли гурьбою
Средь запахов цветочных,
Алешка был последним
И больше всех пылил.
Случайно иль нарочно —
Того не знаю точно —
На пуговку Алешка
Ногою наступил.

Он поднял эту пуговку
И взял ее с собою —
И вдруг увидел буквы
Не русские на ней.
К начальнику заставы
Ребята всей гурьбою
Бегут, свернув с дороги...
Скорей! Скорей! Скорей!

— Рассказывайте толком, —
Сказал начальник строгий
И карту пред собою
Зеленую раскрыл: —
Вблизи какой деревни
И на какой дороге
На пуговку Алешка
Ногою наступил?

Значок японской фирмы
Вот здесь, на этой штуке,
И пуговку такую
Нам выбросить нельзя!

Нам к пуговке, пожалуй,
Пришить придется брюки.
Нелегкая работа,
Скажу я вам, друзья!

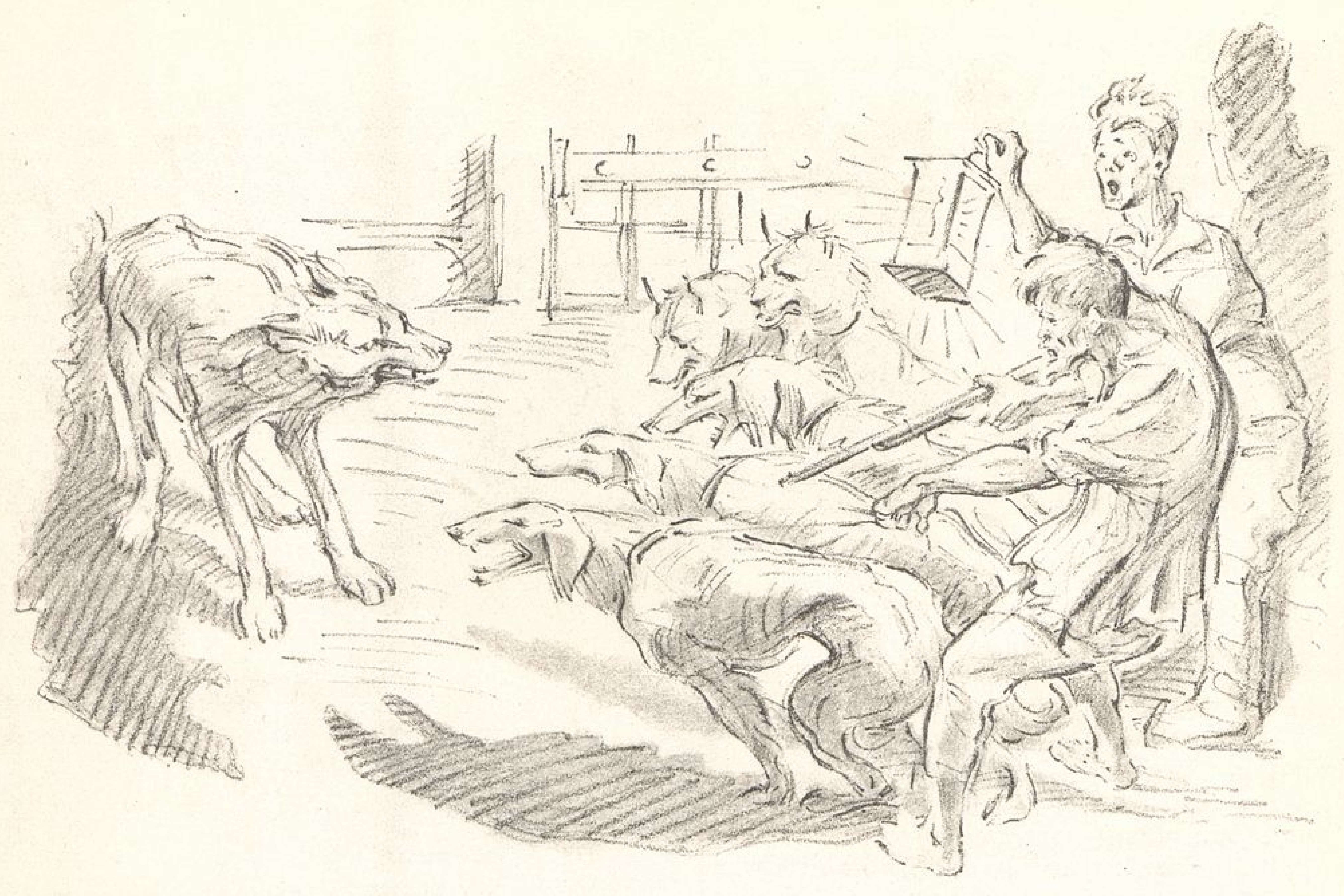
Приладив быстро стремя
Движением привычным
И сапоги нагайкой
Очистив от земли,
С винтовкой за плечами
Помчался пограничник
По той дороге пыльной,
Где пуговку нашли.

Бойцы по всем дорогам
Четыре дня скакали,
Четыре дня искали,
Забыв еду и сон.
Седого незнакомца
В деревне повстречали,
Сурово осмотрели
Его со всех сторон.

А пуговицы нету
У заднего кармана,
И сшиты не по-русски
Широкие штаны.
А в глубине кармана —
Патроны для нагана
И карта укреплений
Советской стороны.

Вот так шпион был найден
У нашей у границы.
Никто на нашу землю
Не ступит, не пройдет!
В Алешкиной коллекции
Та пуговка хранится...
За маленькую пуговку
Ему — большой почет.

Басня И. А. Крылова *Рисунок А. Брея*

ВОЛК НА ПСАРНЕ

Волк, ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.
Поднялся вдруг весь псарный двор.
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку.
Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!»
И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.
Бегут: иной с дубьём,
Иной с ружьём.
«Огня!» кричат: «огня!» Пришли с огнём.
Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом,
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
Но, видя то, что тут не перед стадом,
И что приходит, наконец,
Ему расчесться за овец,
Пустился мой хитрец
В переговоры
И начал так: «Друзья! к чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры;
Забудем прошлое, уставим общий лад!
А я не только впредь не трону здешних стад,
Но сам за них с другими грызться рад
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...» — «Послушай-ка, сосед»,
Тут ловчий перервал в ответ:
«Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

Трусиха

Н. Артюхова

Кланя была трусиха. Она боялась мышей, лягушек, быков, пауков, гусениц. Ее так и звали «трусиха».

Один раз ребята играли на улице, на большой куче песку. Мальчики строили крепость, а Кланя и ее младший братишка Андрюша пекли на солнышке песочные пироги. Кланю в войну играть не принимали — ведь она была трусиха, а Андрюша для войны не годился, потому что умел ходить только на четвереньках.

Вдруг со стороны колхозного сарая послышались крики:

— Лохмач с цепи сорвался! К нам бежит!

Все обернулись.

— Лохмач! Лохмач! Берегись, ребята!

Ребята бросились врассыпную. Кланя вбежала в сад и захлопнула за собой калитку. На куче песку остался только маленький Андрюша: на четвереньках ведь не уйдешь далеко. Он лежал в песочной крепости и ревел от страха, а грозный враг шел на приступ.

Кланя взвизгнула, выбежала из калитки, схватила в одну руку совок, в другую песочник и, заслоняя собой Андрюшу, стала у ворот крепости.

Огромный злющий пес несся через лужайку прямо на нее. Он не лаял, а как-то всхрапывал при каждом прыжке. Вот уже совсем близко его оскаленная, клыкастая пасть. Кланя бросила в него совок, потом песочник и крикнула изо всех сил:

Рисунок М. Храпковского

— Пошел вон!

— Фьють! Фьють, Лохмач! Сюда! — Это сторож бежал через улицу наперерез Лохмачу, Клане на выручку.

Услышав знакомый голос, Лохмач остановился и вильнул хвостом. Сторож взял его за ошейник и увел обратно к сараю.

На улице стало тихо. Ребята медленно выползали из своих убежищ: один спускался с забора, другой вылезал из канавы. Все подошли к песочной крепости. Андрюша сидел и уже улыбался, вытирая глаза грязными кулачонками.

Зато Кланя плакала навзрыд.

— Ты что? — спросили ребята. — Лохмач тебя укусил?

— Нет, — отвечала она. — Он не укусил... Я только очень испугалась... Лохмач бежал все прямо, прямо... прямо к Андрюше.

Н. Ляшко

СКАЗКА О ПРАВДЕ И РУКАХ

Рисунки П. Алякринского

Смолоду царь пировал, охотой тешился, потом с войском в походы ходил, а как стала голова лысеть, задумался:

— Ой, отцвела моя молодость! Пора управлением народа заняться. Рассказывайте про дела, показывайте бумаги!

Рассказали ему управители, что и как, и разложили на столе указы, приказы, доносы да жалобы.

Царь думал — народ любит его и уважает, а выходило совсем не то: даже когда он, царь, с войны возвращался, народ на торжественную встречу палками сгоняли. И в городах и в селах люди стоном стонали и кляли неправду.

— Быть того не может! — топнул царь ногою. — Есть в моем царстве правда! Вот я подумаю и разъясню людям.

И начал царь думать, ладонью темя тереть. День думал, неделю, месяц — лысина стала шире, а правды все нет и нет. От заботы стал царь горбиться и хиреть, по ночам с постели вскакивал и нивесть что бормотал.

Всполошилась царица, созвала придворных на тайный совет и кликнула по царству, по соседним землям клич: кто откроет царю правду, тому будет большая награда!

Полетел клич по полям, по степям, за леса и горы перекинулся. Во всех землях встрепенулись ученые люди: попы, монахи, умники, подхалимы. Валом повалили к царю: авось, мол, сыщем какую-нибудь правдишку и получим в награду земли, деньги и чин царского умника.

Поклонами встречали их царские управители, вели в покои, сажали за столы. Пошли у царя с утра до полудня и с вечера до полуночи беседы о правде.

Царские слуги с ног сбились: корми этакую ораву гостей, пои, спать укладывай, стриги, брей, привередствам разным потворствуй! Нынче беседа, завтра беседа, а гостей все больше да больше. Всех царских мастеровых — и столяров, и маляров, и портных, и позолотчиков — согнали во дворец за гостями ухаживать, даже кузнеца с подручным приставили на беседах нагар со свечей снимать.

Сиял трон, на троне в парче и соболях сидел царь. Гости в поклоне перед царем спины гнули и вели речи о том, как надо править царством так, чтобы и соседние цари уважали и народ работал, боялся.

Подхалимы уши навастривали: нельзя ли на лету перехватить чью-нибудь правду, выдать за свою и выйти в умники?

Царь слушал, хмурился. Кузнец с подручным неслышно, в суконных туфлях, вдоль столов похаживал, серебряными щипцами нагар со свечей снимал и сердился на гостей: „Экие балаболы слетелись! Без нянек умыться и готового съесть не умеют, а толкуют о правде, о народе...“

Не успеет сказать один, другой тут же слово его охаивает, а сам к царю подлизывается:

— У вас светлейший ум, ваше величество...

Царь что-то бормотал; подхалимы всякое слово его подхватывали и дымом перед троном стлались.

Слушает кузнец и хмурится, а подхалим из-за стола поймал его за рукав и шепчет:

— Ты чего такой важный? Или правду знаешь?

— Знаю, да сказать нельзя, — отвечает сердито кузнец. — Моя правда не чета вашей...

Позеленел подхалим: „Ну, подожди же!" думает и бежит к трону:

— Ваше величество, кузнец знает правду!

— Кузнец? Мой? — обрадовался царь. — Этот? Что же ты, братец, молчал?.. Говори!

Кузнец стал отнекиваться: да нет, мол, какая там у меня правда, где уж мне!..

Рассердился царь — какой-то кузнец при иноземных гостях перечит ему! — и в крик:

— Не ломайся! Или прикажу язык тебе развязать!

Похолодел кузнец.

— Я и сказал бы, — говорит, — да боюсь сбиться. Мою правду тверже меня знает кузнец, у которого я работать учился...

— Привести этого кузнеца! — повелел царь.

Поскакали царские люди за столицу, к кузнецам, и не успел царь с гостями выпить да закусить, ведут старого кузнеца, в кожаном фартуке, с седой опаленной бородой. Царь велел подать кузнецу чашу вина:

— Пей и говори, в чем правда...

— Зря вино пропадет, — сказал кузнец. — Ни к чему во дворце моя правда. Пускай тебе гости твои правду открывают. Не зря же они столько едят и пьют у тебя.

Озлились гости, шопоток к трону полетел: какой-то грязный кузнец попрекает умнейших людей царскими хлебом-солью! Царь ногами затопал на кузнеца. Видит тот — не миновать ему беды, поставил чашу и поднял свои руки.

— Вот, — говорит, — вся моя правда.

— Где? — подался к нему царь. — Что показываешь?

— Правду.

— Не вижу, подойди...

Подошел кузнец к трону и показывает царю руки, а ладони у него широкие, шершавые, в черных трещинах, в ссадинах и янтарных мозолях. Поглядел на них царь так, поглядел этак и рассердился:

— Что ты мне свои грязные хамские руки показываешь?! Мне правда нужна, а не руки твои! В чем правда?

— Да она здесь, на руках у меня, — ответил кузнец.

Умники зашушукались, подхалимы в рукава захихикали, обступили кузнеца, ладони его разглядывают.

— Ничего тут нет. Что может быть в грязных хамских руках? Он насмехается над вами, ваше величество...

Побагровел царь и напустился на кузнеца:

— Ты что, батогов захотел?!

Видит кузнец — все равно пропадать, и решился: „Эх, век неправду терпел, скажу хоть перед смертью правду!"

— За мою правду, — говорит, — можно и батоги принять. Моя правда всегда светит и всегда греет. Ты вот со всей земли умных скликал, да никак правды не найдешь, а моя правда всегда со мною, моя правда у меня на руках написана...

— А про что на них написано?

— Про то, что я людям за добро добром плачу: все, что выкую, людям на пользу идет. Ни на чьей шее не сижу, ничьей жизни не заедаю...

— Ну, ну, какая же в этом правда?

— А такая, — сказал кузнец: — кабы все жили, как я живу, был бы я счастливым среди счастливых, и земля наша была бы самой правильной: не мытарился бы на ней народ в нищете, не сидели бы у него на шее дармоеды и кровопийцы...

От слов кузнеца у гостей головы кругом пошли, у царя заныло под сердцем, а у царского кузнеца с подручным засветились глаза: вот она, правда!

Первым опомнился ученый поп — схватил с груди крест на золотой цепи и поднял его над кузнецом:

— Чадо заблудшее, твоими устами глаголет дьявол! Кто пьет кровь народа?

— Кто не работает!

— Чадо, и я не работаю, — значит, и я пью кровь народа?

— Пьешь: твоя работа не в лад с народом идет!

У попа глаза позеленели.

— Чадо! — закричал он. — А царь и повелитель твой тоже пьет кровь народа?

— Пьет!

Вздыбился царь на троне.

— Это как же? По-твоему, я народу в тягость? — захрипел царь. — А кто управлять им будет? Ты, что ли, сможешь?

— И я смогу, если народ поставит. Народ ошибки не даст, народ поставит управителей по правде и будет любить их, а если управители нарушат правду и перекинутся к врагам или станут народный труд на ветер кидать, как ты кидаешь, он казнит их...

— Вырвать ему язык! — заревел царь. — Заковать в железные цепи! Стража!

— Вот как жжет моя правда! — крикнул кузнец.

Больше кузнец ничего не смог сказать: палач вырвал ему язык. Но кузнец руками — широкими, шершавыми, в трещинах и мозолях — говорил страже о своей правде, и народ тянулся к тюрьме, народ видел над тюрьмою широкие руки и передавал написанную на них правду из края в край.

Находчивые ребята

Рассказ-загадка М. Андриевской

Рисунки О. Розенблат

Миша и Гаврик были большие затейники и придумщики и любили беседовать о своих приключениях.

— Однажды вечером остался я дома один, — начал разговор Миша. — А у нас дверь не запиралась — замок испортился. Привязал я к дверной ручке веревку, протянул ее через всю комнату к шкафу. Нехорошо получилось: если снаружи дернут дверь, повалят шкаф. Я не знал, как тут быть, и стал придумывать. Увидел я щетку. «Ага!» закричал я и начал мастерить. Угадай, как я запер дверь?

— Это нетрудно, — усмехнулся Гаврик. — У меня было дело потруднее. Задумали мы, ребята, дорогу к школе отремонтировать. Я и товарищ вызвались возить гальку с другого берега реки. Поехали мы в лодке, набрали гальки мешок, втащили его в лодку. Но лодка глубоко села в воду: вот-вот зачерпнет. «Как нам быть?» спросил меня товарищ. «А вот как», сказал я, доставая веревку... Угадай, как мы перевезли гальку?

— Отгадка простая! — решил Миша. — Вот послушай, что со мною было. В прошлом году мы с папой на Кавказ ездили. Понравилось мне по скалам лазить. Однажды на тропинке встретил я путника. С одной стороны — про́пасть и с другой стороны — про́пасть, а посторониться нельзя, так узка тропинка. И возвращаться назад никому неохота. Стали мы советоваться, как нам быть. Я надумал. «Ты большой и тяжелый, — сказал я, — а я маленький и легкий. Ты должен меня пропустить, а когда меня пропустишь — и сам пройдешь без помехи». — «Ловко придумано! — сказал он. — Иди!..» Угадай, каким образом мы разошлись?

— Не так трудно угадать, — сказал Гаврик. — Я жил на Кавказе. Однажды пошел я в горы. Когда я спускался вниз, по дороге мне встретился обрыв. Перепрыгнуть его было невозможно. Я сильно приуныл, но осмотрелся и заметил, что возле меня, на высоком краю пропасти, стоит дерево, а на другой стороне белеет довольно высокий пень. «Другого выхода нет!» сказал я себе, сделал на конце веревки петлю и подошел к краю пропасти... Скажи, как я перебрался на другую сторону пропасти?

Отгадайте и вы, ребята, как выходили из затруднительного положения Миша и Гаврик.

Мурзилкина газета

Рисунок Олега Сухорода, 10 лет. Кисловодск.

ЛОШАДКИ

По траве мелькают пятки.
— Эй, ребятки!
Кто в лошадки?
Запряжем в тележку Васю
(Вася самый сильный в классе),
Будем бегать мы до ночи...
Травка бронзу ног щекочет,
Солнце летнее печет
Руки, ноги и плечо.
Мотыльки кругом порхают,
В небо ласточки взмывают,
Льется в поле без помех
Детский крик и детский смех.

Юра Оджагов, 12 лет. Ростов н/Д.

Рисунок Беллы Голуб, 10 лет. Москва.

МАЛЕНЬКИЙ ГЕРОЙ

(Рассказ красноармейца)

Я уже давно видел у дяди Федора на груди орден Красного Знамени и спросил его, за что он его получил.

Дядя рассказал мне об одном бое с белополяками.

„Шел 1920 год. Почти всю Украину и Белоруссию захватили польские паны. Наша молодая республика была в опасности. Мне тогда было только четырнадцать лет, но я уже бил белых. Однажды нашему эскадрону конноармейцев выпало ответственное задание: захватить село и зайти в тыл к полякам.

Выехал эскадрон рано утром. Кругом все было тихо. К селу двигались шагом. Никто шибко не разговаривал, не пускал коня в рысь, не курил. Проехали мы маленькую рощицу, выехали на засеянное клевером поле и увидели село. Наш командир Захаренко посмотрел в бинокль, но ничего не обнаружил. Но все-таки было опасно брать село. Тогда я сказал командиру:

— Товарищ командир, дайте я разведаю в селе панов!

Командир смерил меня глазами и сказал:

— Парень ты, Федька, хороший! Могу надеяться на тебя! — и дал согласие.

Через час я возвратился и доложил:

— Часовые спят у края села, пулеметы в конце села, солдаты в хатах, одна пушка на дворе богатого дома!

Командир сказал:

— Молодец, Федька, хороший хлопец!

Разделились на две группы и рысью поскакали к селу. Никто не ушел из села. Почти всех в плен взяли. Приказ гласил: „Отогнать поляков от села", а мы их всех в плен забрали!

Мы пробрались в тыл полякам. Часть фронта была прорвана нашим эскадроном. За нами двигались части Красной армии. Все-таки нам было трудно справляться с белополяками, — они были лучше вооружены.

Однажды мы немного замялись, начали отходить. Я как крикну:

— Товарищи, за мной! Вперед! Победа за нами! — и первый бросился в гущу врагов, рубил направо и налево.

Наши бойцы с криком „ура" последовали за мной.

За это самое я и получил орден Красного Знамени".

Я был очень доволен рассказом дяди Федора.

В. Сафонов, 11 лет. Ивановская обл.

ОСЕНЬ

Льет осенний дождь холодный,
Потемневший лес шумит.
Листья все уже опали,
Чаща их теперь хранит.

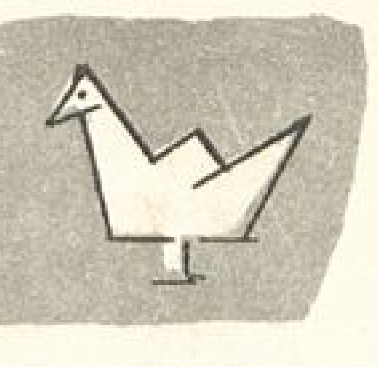
И поля все опустели,
Нет уж звонких песен птиц.
Все дороги почернели,
Злобный ветер лишь гудит.

Витя Орлов, 9 лет. Москва.

ИГРЫ шарады загадки

РЕБУСЫ

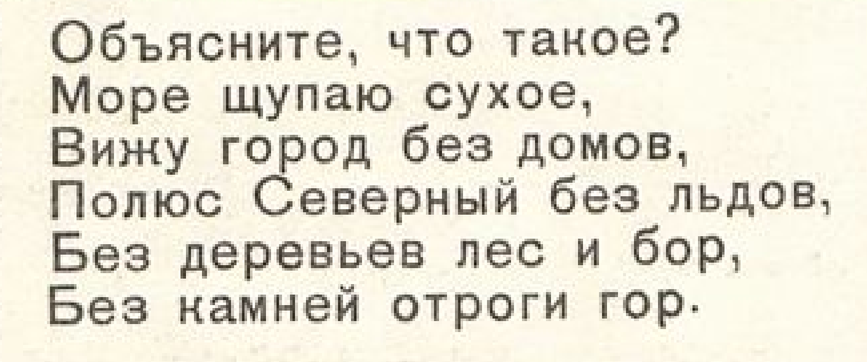

Какой это город?

Какая это река?

Отгадай

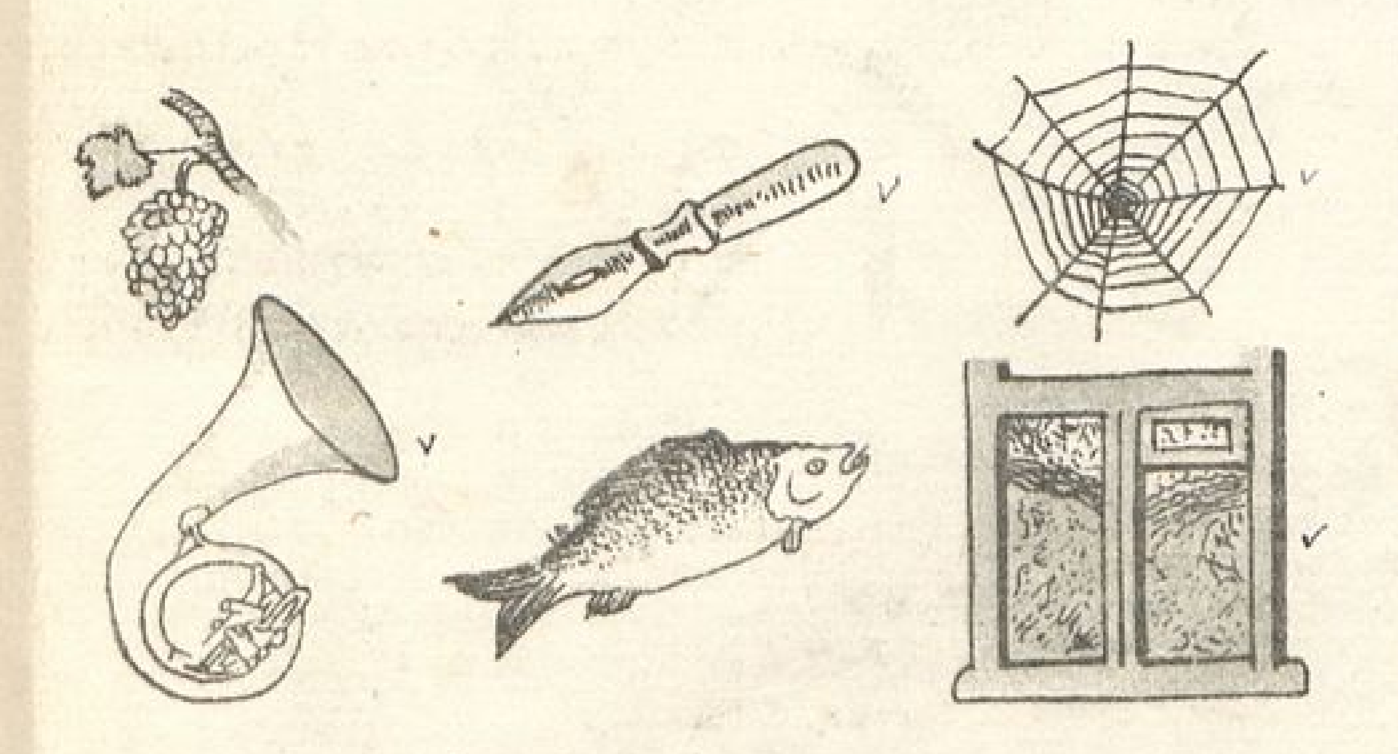

Объясните, что такое?
Море щупаю сухое,
Вижу город без домов,
Полюс Северный без льдов,
Без деревьев лес и бор,
Без камней отроги гор.

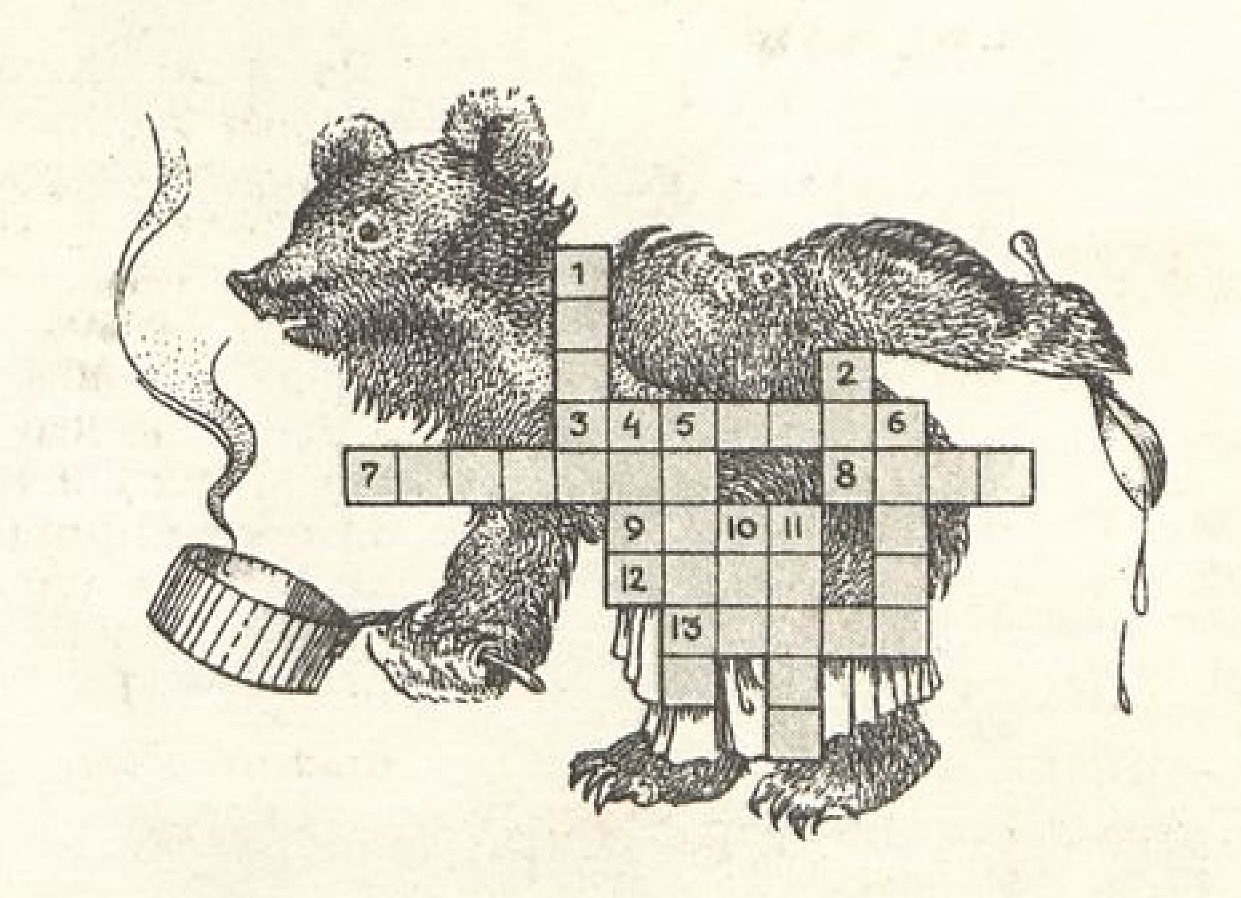
ЗАГАДКИ

1. Не летает, не поет, а по-птичьему клюет.
2. Зимой в доме мерзнет, а на улице нет.
3. Висит сито, не руками свито.
4. Грамоте не знаю, целый век пишу.
5. Сам пустой, голос густой, трель выбивает, всех призывает.
6. Целое последнего боится, первое от целого родится.

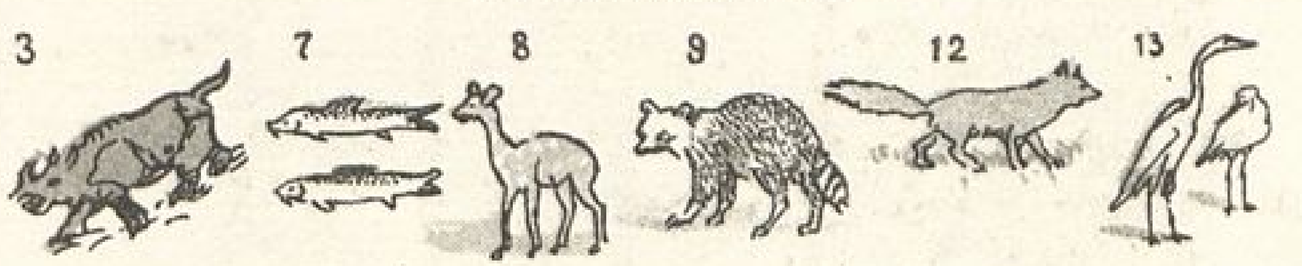
Ребята! Ответы на загадки найдете в этих рисунках.

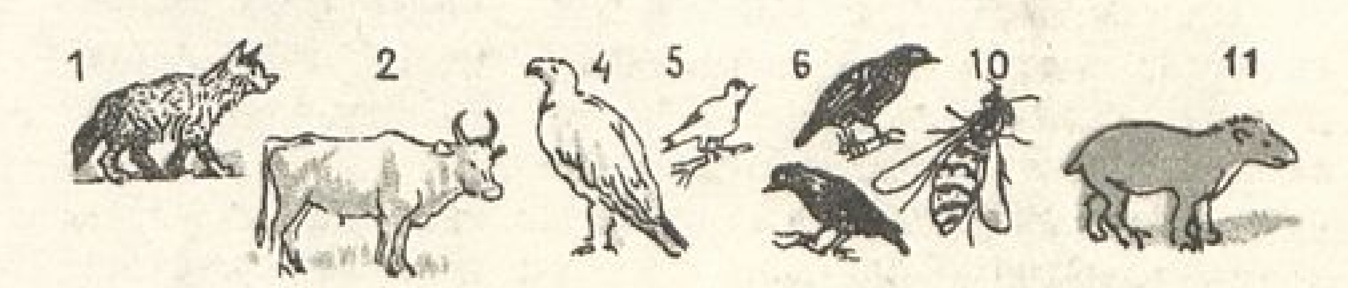
КРОССВОРД „МЕДВЕЖОНОК"

По горизонтали

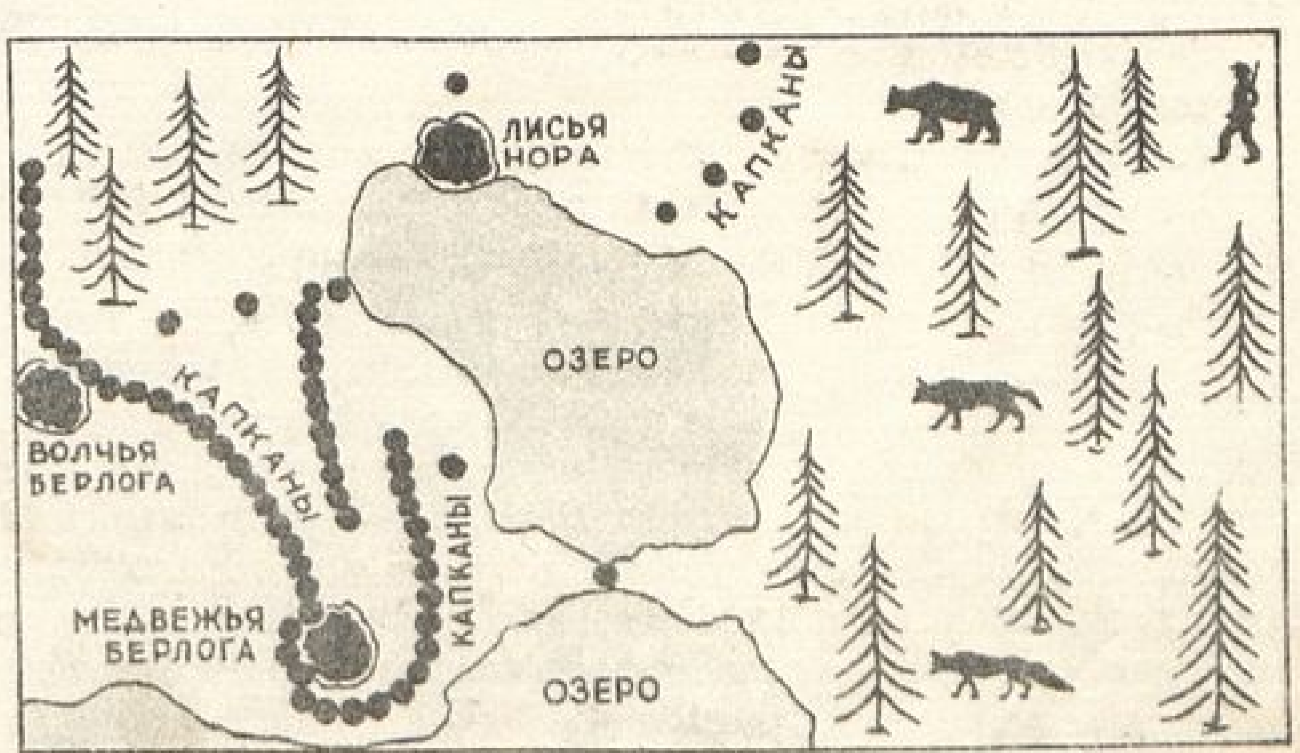

По вертикали

ОТГАДАЙ!

Медведь, волк и лиса почуяли охотника и бросились бежать в свои норы и берлоги. На пути было озеро и капканы, поставленные охотником. Покажите, какой дорогой побежали звери (озеро они не переплывали и в капканы не попались).

МУРЗИЛКА-ФОТОГРАФ

Цена 60 коп.

1
Купил Мурзилка аппарат —
Фотографом быть каждый рад!
Он в зоопарк спешит скорей,
Он снимет всех друзей-зверей.

2 Мурзилка делом поглощен,
Вот перед ним огромный слон.
— Не шевелитесь! Улыбнитесь! —
Сказал слону любезно он.

3 Готова карточка слона.
Но где же слон?! Одна спина...
Конечно, слон не виноват —
Он не вместился в аппарат.

4
Мурзилка хитрый инженер
И по слону пригнал размер.
Но что такое? Вот вам на́!
Опять видна одна спина...

5 Никак не лезет крупный слон!
Мурзилка очень огорчен...
— Не шевелитесь! Улыбнитесь! —
Мартышке грустно молвил он.

6 Готова карточка. И что ж?
На ней мартышки не найдешь:
Зашевелилась, улыбнулась
И прочь на дерево метнулась...
Зато вдали видна сполна
Фигура славного слона!

Стихи Ив. Пруткова
Рисунок М. Храпковского

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЦК ВЛКСМ. Адрес: Москва, Чертельский пер., 4. Тел. К 4-97-22.

Ответственный редактор **А. Н. Дунина.** Художественный редактор **В. С. Житенев.**
Корректоры **З. Молодык и А. Сапелкина.**
Сдано в набор 19/IX 1938 г. Подписано к печати 20/X 1938 г. Объем 2,5 печ. л. Ст.-форм. 93 × 120 1/16 листа.
Уполномоченный Главлита Б-50 608. Заказ № 1156. Детиздат № 2050. Тираж 250 000.
Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сущевский вал, 49.